

ДОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ДМИТРИЙ ЛЬВОВИЧ ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ЛЕОНАРДО БРУНИ

ГУМАНИСТ
ФЛОРЕНТИЙСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Издательский Дом ЯСК
Москва
2019

УДК 82
ББК 83.3(0)4
В 76

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 18-112-00202, не подлежит продаже

Воскресенский Д. Л.

В 76 Леонардо Бруни: гуманист Флорентийской республики. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 648 с.

ISBN 978-5-907117-29-7

Книга, впервые собравшая переводы на русский язык с параллельным текстом подлинников выдающихся сочинений Леонардо Бруни, гуманиста и канцлера Флорентийской республики, приглашает в обширное путешествие по страницам истории и литературы Италии с трёх последних десятилетий XIV по первую половину XV века. Год рождения Бруни условен — 1370, безусловен город — Ареццо, где, думается, он прошёл азы грамоты. Примерно с 1395-го учился праву при университете во Флоренции, слушал риторику и толкование классиков у Джованни Мальпагини (служившего до 1368 г. переписчиком Петрарке), но самое главное — познакомился с канцлером Флорентийской республики Колуччо Салютати — образцовым и ведущим преемником Петрарки и Боккаччо в деле воспитания дарований, — получив доступ к его внушительной библиотеке и посвящение в планы канцлера-гуманиста по идеологическому и культурному обновлению. В 1397-м хлопотами Салютати во Флорентийский университет призван Мануил Хрисолор и возрождено преподавание греческой письменности: сподвигнутый канцлером Бруни блестяще осваивает греческий и при помрачительной нехватке грамотных латинизаций берётся переводить греческие тексты Василия Кесарийского, Ксенофонта, Платона, Плутарха, выбранные тоже под руководством Салютати. Первый самостоятельный (последний при жизни Салютати отклик на республиканскую пропаганду против тирании Висконти) труд Бруни — это «Хвала Флорентийской столице» (1404): торжество истории и величия идеального города. Далее следуют «Диалоги» (1406–1407), посвящённые передовому педагогу Пьер Паоло Верджерио, где затронуты все насущные проблемы самосознающей гуманистической культуры. Эти два сочинения в книге разобраны особо: в подробных объяснениях и приложениях даны тексты Салютати, Петрарки, Боккаччо, Полициано с целью воссоздания интеллектуальной среды эпохи. Вторая часть книги — это биографический очерк, основанный на «Жизни» Бруни, непринуждённо описанной Веспасиано Бистиччи, и на высокопарной похоронной элегии пера Карло Марсуппини, канцлера-гуманиста Флорентийской республики по смерти Бруни в 1411 году.

УДК 82
ББК 83.3(0)4

*В оформлении переплёта использована фотография
фрагмента флорентийского баптистерия Иоанна Крестителя*

ISBN 978-5-907117-29-7

9 785907 117297 >

© Д. Л. Воскресенский, 2019
© Издательский Дом ЯСК, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
------------------	---

Часть I. БРУНИ-АВТОР

1. <i>Хвала Флорентийской столице</i>	9
Художественный слог — слуга Республики: профлорентийская пропаганда Колуччо Салютати	9
Перевод с параллельным латинским текстом	14
Риторические образцы	71
Попараграфные примечания к переводу	78
Приложение <i>Fluentia</i> или <i>Florentia</i> : мифология, филология, идеология в истории происхождения Флоренции	115
2. <i>Диалоги для Пьер Паоло Истрийского</i>	154
Отголоски гуманистического толка Петрарки	154
Отрыв к первенству гуманистической культуры	171
Гуманистический диалог: союз равнозначных суждений	173
Собеседники, синопсис	177
Перевод с параллельным латинским текстом	182
Попараграфные примечания к переводу	228
Приложение 1. Боккаччо и Салютати: ропот о порче текстов переписчиками	320
Приложение 2. Салютати о Данте и Петрарке	333
Приложение 3. Петрарка и его апология <i>Африке</i> VI, 839–918.	399
Приложение 4. Леонардо Бруни. <i>Жизнеописания</i> Цицерона и Аристотеля	444
Приложение 5. Леонардо Бруни. <i>Об изучении словесности</i>	471
3. <i>Жизнеописания</i> Данте и Петрарки	510
Образцовое превосходство Флоренции	510
Перевод с параллельным итальянским текстом	512
Примечания к переводу	540

Часть II. БРУНИ-ГЕРОЙ

1. Веспасиано Бистиччи. <i>Жизнеописание</i> Леонардо Бруни	545
Перевод с параллельным итальянским текстом	546
Примечания к переводу	564
2. Карло Марсуппини. <i>Элегия</i> на смерть Леонардо Бруни	588
Перевод с параллельным латинским текстом	590
Постиховые примечания к переводу	602
Библиография	642

Флоренция. Улица Леонардо Бруни, угол улицы Колуччо Салютати

ВСТУПЛЕНИЕ

Данную книгу, первую часть более чем пятнадцатилетнего изучения автором итальянской литературы от Данте до Полициано, составляют переводы сочинений аретинца Леонардо Бруни, величайшего гуманиста и влиятельнейшего канцлера Флорентийской республики, чрезвычайно предопределившего современную ему и последующую, как итальянскую, так европейскую, культуру, преподнесившего и делавшего Флоренцию образцовым городом — процветающим средоточием надёжной свободы и передового образования: сочинений, в которых начитанный интеллектуал слит с дальновидным политиком, прославивших его раскатистее Франческо Петрарки, предтечи гуманизма, и Колуччо Салютати, его влиятельного назидателя.

Лучшее постижение глубин культуры зиждется на чтении подлинников. Невнятность изложения и понятийные обиняки в научном труде — неизбежное следствие изучения опосредованного, следствие чтения прочитавших. Поэтому в данной работе первоочередное внимание уделяется представлению источников в их строго скроенном филологическом облачении. Далее. Толкование подлинника венчает перевод, смысловая и художественная верность которого как помогает должной оценке изучаемой культуры, так обогащает опыт современной литературы. Наконец, ради плюралистичного и панорамного показа итальянского гуманизма автор, нередко поступаясь критическим анализом в пользу выдержек из живого источника, постарался дать слово его наиболее характерным представителям: их тексты даны в примечаниях к переводам сочинений Бруни, а также приложениях.

Выражаю чистосердечную благодарность Илье Юрьевичу Эльнатанову за мудрые и твёрдые в труде советы и добросовестно-пристальное чтение всех образующих рукопись моих переводов.

*Воскресенский Д. Л.
Флоренция, декабрь, 2017*

ЧАСТЬ I

– БРУНИ-АВТОР –

1

«ХВАЛА ФЛОРЕНТИЙСКОЙ СТОЛИЦЕ»

**Художественный слог — слуга Республики:
профлорентийская пропаганда
Колуччо Салютати**

1

Двигаясь от площади Гавинаны по длинной улице, названной в честь Колуччо Салютати, взяв через метров двести направо, попадаешь на улицу, названную в честь Леонардо Бруни. Неслучайность для Флоренции. Проницательность Салютати, с 1375 по 1406 год канцлера Флорентийской республики, не подвела его, выбравшего юного и честолюбивого Бруни — который примерно в 1395-м перебрался во Флоренцию учиться из Ареццо, где родился между 1370 и 1375 гг., — питомцем и преемником. Влиятельность Салютати была культовой: современники восхищались равно его деятельностью учёного, естественного наследника Петрарки, возродителя классической культуры, двигателя *studia humanitatis*, и государственного мужа, творца идеологии с особым риторическим слогом, ставшей ведущей и знаменательной для Флорентийской республики, тогдашнего средоточия итальянской культуры.

2

Если бы скоропостижная смерть от чумы 3 сентября 1402-го не пресекла завоевательский нажим Джан Галеаццо Висконти, Флоренция после проигрыша под Казалеккьо 26 июня 1402-го и падения Болоньи, судя по всему, едва ли не была покорена бы в итоге длительного противостояния. Флорентийской республике подобало идеологически укрепить совладание

с миланским герцогом, и в первой половине 1403-го уже семидесятидвух-летний Салютати слагает *Contra maledicum et obiurgatorem qui multa pungenter adversus inclitam civitatem Florentie scripsit* (Против сквернословя и ругателя, много колко написавшего против знатного города Флоренции) — одно из самых важных и показательных сочинений для флорентийского гражданского гуманизма, действительно утверждавшего через открытие, усваивание и применение античных классиков общественные ценности, — синтез его длительной, производительной и весьма влиятельной политической деятельности: опровергая написанную в первой половине 1401-го в угоду захватнической политике Джан Галеаццо Висконти его секретарём Антонио Лоски лицеприятную и пропагандистскую *Invectiva in Florentinos*, Салютати в концовке преподаёт некую историю свободы, которая, исконно идя от Республиканского Рима, воплотилась в истории Флоренции, — мудрая риторика канцлера преобразует обстоятельства и звенья частного столкновения исторических сил в призыв к общей борьбе за свободу против тирании на культурном и духовном уровне.

3

Речь *Contra maledicum et obiurgatorem* являлась и торжественным превознесением превосходства Флоренции (§ 115–117), топику которого последовательно развивает первое сочинение Леонардо Бруни — *Laudatio florentine urbis* (Хвала Флорентийской столице), написанное летом — осенью 1404-го, спустя два года со смерти Джан Галеаццо Висконти, пагубно посягнувшего на свободу Флорентийской республики, и ставшее самым ярким выражением флорентийского гражданского гуманизма. Идеологический приверженец и деятельный соратник Колуччо Салютати, Бруни гордо изображает и всесторонне прославляет Флоренцию как республиканский город-государство, для себя и своих граждан отстаивающую первенство и преимущество не только в Италии, но и за рубежом. Так история Флорентийской столицы (*urbs*) предстаёт историей её гражданства (*civitas*), свободного и сплочённого флорентийского народа.

В письме от 20/02/1409 к Никколо Никколи, повествуя о достопримечательностях древнего Римини, Бруни отличает *urbs* и *civitas* (*Epist.* III 9): «*Illud insuper considerandum est, quod plerosque non satis eruditos interdum fallit, aliud urbem significare, aliud civitatem: urbs enim est solum aedificia et moenia ab orbe, quo locus cingitur, appellata. Civitas autem est congregatio hominum iure sociatorum et eisdem legibus viventium; unde bonus vir, ut aiunt Stoici, ex urbe quidem pelli potest, ex civitate vero non potest, ut licet urbs ipsa parva fuerit, civitas nichilominus maxima et amplissima fuisse potuerit. Neque enim multum refert, ut opinor, intra urbem cives habitent, vel extra, modo iisdem legibus, unoque statutis consilio vivant, eosdem magistratus vereantur muneraque et honores simul capiant*»

(Вдобавок надо учесть, — а это порою обманывает не особо отёсанное большинство, — что «город» значит одно, «гражданство» — иное, ибо городом от «огораживания» называют лишь здания да стены его места. А гражданство — это совокупность людей, объединённых законом и живущих по общему праву; поэтому благого мужа, по стоикам, выдворить из города можно, но из гражданства нельзя, ведь, хотя сам город мал, гражданство, тем не менее, может быть величайшим и обширнейшим. Ибо, мне думается, не важно, внутри ли города поселились граждане или вовне, главное, чтобы жили по общим и единогласно учреждённым законам, уважали общих заведующих и вместе стяжали должности да почести).

Итожа в 1421 свои социально-политические мысли сочинением *De militia*, Бруни, опираясь на Аристотеля (*Polit.* 1252a–1253a), так определяет *civitas*: «Nec tamen omnis congregatio hominum civitas est, sed illa tantum que ex suis partibus eam perfectionem sit consecuta, ut nulla externa quesita ope in se ipsa satis habeat ad bene vivendum. [...] Civitas autem tunc demum est appellanda cum sibi ipsa sufficere potest. Nam illud pro tuo te ingenio latere non arbitror civitatem esse, non, ut ineruditi vulgo credunt, menia et tecta, sed multitudinem hominum iure sociatam. Nec igitur multitudo, cuius singulis per se degentibus multa deforent, ex societate communi perfectionem consequitur»

(Не всякая совокупность людей есть гражданство, но лишь та, которая из своих частей такое совершенство собрала, что, не нуждаясь в посторонней помощи, довольно в себе самой имеет для благой жизни. [...] Итак, о гражданстве только тогда речь, когда само себе довлеет. Ведь, по-моему, от разумения твоего не ускользает, что гражданство это не стены да кровли, как заурядно мнят неотёсанные, но множественность людей в союзе с законом. Эта, стало быть, множественность, единичностям которой, живи они самостоятельно, многого не хватало бы, из общего союза обретает совершенство).

Дивное зодчество, несравненная чистота улиц, первенство в ремёслах, совершенное соответствие красоты целебной местности достоинствам граждан, благодаря которым республика восторжествовала в томительной борьбе с Висконти. На таких понятиях, как народ (*populus*), свобода (*libertas*), соображение (*prudentia*), праведность (*iustitia*), зиждется независимость республиканского строя от какого бы то ни было внешнего влияния и давления, начиная с императорского: немилосердный приговор императорскому Риму с политической и культурной точки зрения, винящий Юлия Цезаря и его преемников в попрании благородных идеалов республиканского Рима, родителя самой Флоренции. Смелость, сметливость и стойкость флорентийцев, будучи бесценным достоянием их римского происхождения, проявляются на всяком поприще, а потрясающая красота Флоренции — это сияющее отражение мудрого и честного руководства.

Начиная со «Хвалы Флорентийской столице», Леонардо Бруни не преминет чтить и превозносить Флоренцию во всяком своём сочинении — город, канцлером которого становится с 03/12/1427 по 09/03/1444; город,

на мифологизирование которого, сам истово приверженный его прошлому, рассказанному им в двенадцати книгах «Истории флорентийского народа» (1416–1442), он вдохновит флорентийских гуманистов, его преемников. Республиканская идеология, предложенная Бруни во «Хвале», сохранится во Флоренции вплоть до семидесятых годов XV века, когда политические обстоятельства преобразуются безвозвратно.

Содержание речи

ЛЕОНАРДО БРУНИ *Epist.* I 8 (~ 1403–1404, к Никколо Никколи): «*Orationem, in qua laudes Florentinorum congessi, Laudatio Florentinae Urbis inscribi placet, eamque, ut, Colucius videat, curabis. Vale. Nonis Septembris*»

(Речь, в которой я сосредоточил всё во флорентийцах достохвальное, озаглавить угодно было «Хвала Флорентийской столице»: позаботься, чтобы её увидел Колуччо. Будь здоров. Пятого сентября);

ЛЕОНАРДО БРУНИ *Epist.* II 4 (23/12/1406, к Никколо Никколи): «*Quod vero flagitas, ut laudationi Florentinae Urbis, quam nuper edidi, nunc parta victoria, Pisisque in ditionem adactis hanc partem adiungam, ego quoque faciendum censerem, si cursum victoriarum non longius processurum existimarem. At ego maiora exspecto, ni frustra augurium vani docuere parentes. Quare historia opus erit, et si sapiunt cives tui, docto alicui demandabunt*»

(Что до твоего настояния, чтобы я-де ко «Хвале Флорентийской столице», которую давеча издал я, ввиду нынешней победы и завоевания Пизы прибавил эту часть, то я тоже расценил бы это целесообразным, кабы не считал ход побед далеко не идущим. Но жду большего, «если родители мне предвиденье дали не даром» [ВЕРГИЛИЙ *Æн.* 1, 392]. Посему потребна история, и если твои горожане соображают, то поручат кому-нибудь учёному).

Первая часть — урбанистическая и генеалогическая

(1–3) Эпидиктический зачин: дерзание сложить хвалу несказанным достоинствам Флоренции. (4) Тождество Флоренции с флорентийцами. (5–6) Идеальная география столицы. (7–8) Исключительная чистота. (9) Арно. (10–16) Архитектура. (13) Палаццо Веккьо. (14–16) Гармония столицы с окружающим пригородом и природой: образ снега, венчающего горы. (17) Предвосхищение рассказа об укрощении доблестным и свободным флорентийским гражданством тирании Джан Галеаццо Висконти в 70–74. (18–20) Однажды увидеть великолепие Флоренции, чтобы в нём убедиться. (21) Флоренция в средоточии пригородного круга: образ счита. (22) Окрестная деревня-кормилица. (23–27) Выгоды неморского города. (28) Срединное

положение Флоренции в итальянской географии. (29) Добродетели флорентийцев. (30–34) Основание Флоренции, римской колонии, в пору наибольшего расцвета республики до завладения властью тиранами (Цезарями, Антонием, Тиберием, Нероном): политическая, культурная, этическая непревзойдённость и незапятнанность римлян укоренена во флорентийской крови. (35–47) Республиканский дух флорентийцев от их славных родоначальников, римских героев: Камилла, Публиколы, Фабриция, Курия, Фабия, Регула, Сципионов, Марцелла, Катонов; к самому основанию Флоренции восходит не утасяющая доселе ненависть к тирании (35), усугубляемая примерами безобразия римских императоров-тиранов: Калигулы (36–37), Тиберия (38), Нерона (39), Юлия Цезаря и Августа (40); подвиги флорентийцев в борьбе за городскую и государственную свободу — продолжение дела и славы их римских отцов (41–46). (48–56) Отступление: обращение к неким глупцам, которые могли бы обвинить Бруни, хвалящего флорентийцев в приспособленчестве и раздувании заслуг, хотя он сподвигнут искренним восхищением Флоренцией и желанием неумытно рассказать о заслугах граждан (48–50); во Флоренции мнение большинства значит мнение лучших (51); неповторимые достоинства города (52–53); Флорентийская республика — приют всем итальянцам, вынужденным покинуть родные края (54–56).

Вторая часть — историческая и политическая

(57) Хвала победоносным войнам флорентийцев против тирании поднимается до восславления избранного подвига Флоренции — защиты свободы всей Италии. (58–62) Добродетели флорентийцев — преданность (60), постоянство (61), человечность к врагам (62), величие духа и презрение опасностей, свойства римской крови и доблести, — это единственные силы, спасшие Италию от всяческих посягательств на её свободу. (63) Осада Флоренции Генрихом VII в 1312 г. (64–68) Необоримость флорентийского нападения: взятие неприступной Вольтерры в 1254 г. (66–67); расправа с преступными пизанцами в 1252 г. (68). (69–75) Избавление Италии от Джан Галеаццо Висконти. (76–89) Чинный внутренний порядок в городском управлении Флоренции: образ настроенного струнного инструмента (76); судопроизводственные ведомства (77): Приоры и Гонфалоньер правосудия (78–79); Двенадцать благих мужей (80); Народный капитан и Подеста (81–82); Капитаны гвельфского братства и вес их стороны во Флоренции (84–87); непревзойдённое равноправие флорентийских граждан (88–89). (90) Флорентийские умы. (91) Всеитальянская мощь и краса флорентийского диалекта. (92–93) Концовка: самодовлеющему флорентийскому народу — божьей помощи.

Laudatio florentine urbis

(1) Vellem michi a Deo immortalis datum esset ut vel florentine urbi, de qua dicturus sum, parem eloquentiam prestare possem, vel certe meo erga illam studio meeque voluntati. Alterutrum enim, ut opinor, abunde esset ad illius magnificentiam nitoremque ostendendum. Nam et ipsa urbs eiusmodi est ut nichil neque luculentius neque splendidius in toto orbe terrarum inveniri possit, et voluntas quidem mea, ut ego de me ipso facile intelligo, nulla in re unquam fuit ardentior, ut nullo modo dubitem, si quodvis illorum adesset, me de hac precellenti et formosissima urbe cum elegantia et dignitate verba facere posse. Verum quia non omnia que volumus eadem nobis et posse concessum est, quantum poterimus id in medium afferemus, ut non voluntas nobis sed facultas potius videatur defuisse.

(2) Admirabilis quidem est huius urbis prestantia et quam nullius eloquentia adequare possit. Sed nonnullos et graves et bonos viros etiam de ipso Deo videmus locutos, cuius glorie ac magnitudinis ne ad minimam quidem partem quamvis eloquentissimi hominis aspirat oratio; nec deterrentur tamen ob eiusmodi excessum quominus, quantum anniti queunt, de tam immensa magnitudine loquantur. Et ipse igitur satis fecisse michi videbor, si, quantum studio, disciplina, exercitatione dicendi, multis denique vigiliis assecutus sum, id omne in laudanda hac urbe potissimum conferam, etsi plane intelligo id eiusmodi esse ut nullo modo cum tanto splendore civitatis sit comparandum.

(3) Quod igitur a plerisque oratoribus dictum est, nescire se unde initium sumant, id profecto nunc michi evenire non verbis, quemadmodum illis, sed re ipsa intelligo; non solum enim quia multe sunt res et varie inter se ultro citroque connexe, verum etiam quia ita preclare omnes et quodammodo egregie sunt ut inter se ipsas de excellentia certare videantur, nec facilis sit deliberatio quenam in dicendo sit anteponenda. Sive enim pulchritudinem ac nitorem urbis intueare, nichil dignius videri potest de quo quam primum enarretur; sive potentiam atque opes, illud omnino censebis preferendum. At si res gestas vel in nostra etate vel superiori tempore contempleris, nichil tanti videri potest ut illis anteponatur. Cum vero mores institutaque consideres, nichil omnino arbitraris prestantius. Hec me dubium tenent, sepeque de altero dicere parantem alterius recordatio ad se revocat, nec deliberandi permittunt facultatem. Ego tamen unde aptissimum et congruentissimum putabo, inde initium dicendi sumam; quod quidem credo etiam ceteros non esse improbaturos.

(4) Ut enim nonnullos filios videmus tantam habere cum parentibus similitudinem ut in ipso aspectu manifestissime cognoscantur, ita huic nobilissime atque inclite urbi tanta cum suis civibus convenientia est ut neque eos alibi quam in illa habitasse nec ipsam alios quam huiusmodi habitatores habuisse

Хвала Флорентийской столице

(1) Желательно, чтобы бессмертный Бог сподобил меня обнаружить красноречивость, равную или Флорентийской столице, о которой поведу речь, или хотя бы моей ревностности к ней и моей воле. Ибо, по-моему, ради явления её великолепия и сияния достанет обеих. Ведь и сама столица такова, что во всём земном круте не обрести ничего светлее и блестящее, да и воля моя, как сам за собою легко примечаю, никогда ни в чём пыльче не была, — вот отнюдь и не сомневаюсь, что при наличии любой из них мне посильно об этой отменнейшей и статнейшей столице сладить слова с изящностью и достоинством. Поскольку, правда, не всё желаемое нам и посильно, изъясним то, сколько в наших силах, чтобы казалось, что нам не занимать скорее воли, чем сноровки.

(2) Просто удивительна отменность этой столицы, которой и не чета ничья красноречивость. Но видим, что некие и важные, и благие мужи говорят даже о самом Боге, на славу и величие которого глагол человека, пусть и красноречивейшего, не притязает и в малейшей части: не отпугивает-таки это превосходство от того, чтобы со всевозможным рачением о столь неизмеримой величине говорили. И я, стало быть, сдаётся, ужогу, если столько всего положу во хвалу сей столице, сколько изучением, наукой, упражнением слова, долгими, наконец, бдениями добился, пусть даже это никоим, ясно разумеется, образом с толиким блеском города несравнимо.

(3) Стало быть, что множество витий говорило, не знали-де, откуда вести начало, то теперь и меня, разумею, постигает не на словах, как у них, но на самом деле, — не только потому, что много тут вещей пёстрых, между собою везде и всюду связанных, но и что столь они все прекрасны да неким образом незаурядны, что, сдаётся, взаимно состязаются за превосходство, и нелегко решишь, какую же облюбовать для речи. Ибо если красоту и сияние столицы взвидишь, то ничего, о чём первоочерёдно повествовать, достойнее не приглянется, а если могущество да богатства — расценишь их, куда ни кинь, предпочтительными. Если же подвиги нашей ли поры, предшествующего ли времени обозришь, значимее их ничто не покажется. А рассмотрев обычаи да установления, решишь, нет ничего, куда ни кинь, отменнее. Всё это занимает меня сомнением, и готового было заговорить об одном часто воспоминание о другом отзывает к себе и не даёт решиться. Всё же, откуда сочту пригоднее и сообразнее, оттуда и поведу начало, — чему, думаю, прочие тоже не воспрекословят.

(4) Как видим некоторых детей, столь подобных своим родителям, что очно узнаются яснее ясного, так эта благороднейшая да именитая столица столь своим гражданам подходит, что, кажется, весьма толково случилось, что ни они нигде, кроме как в ней, не обывают, ни она иных обывателей, кроме